

Великий князь Михаил Александрович Романов.

Михаил Романов родился 22 ноября 1878 года и был младшим сыном Императора Александра III. Он был на 10 лет моложе своего брата Николая II. Михаил с его веселым и живым характером был любимцем отца. Ему прощались многие шалости.

А вот как описываются детство и юные годы великого князя в книге “Великие князья” Давида Чавчавадзе (Нью-Йорк, 1990):

“Он любил совершать длительные прогулки со своим отцом, который учил его разжигать костер и выслеживать зверя по следам. Они, бывало, забирались в дикий парк с фонариком, лопатами, прихватив с собой несколько яблок, и там разводили костер, пекли яблоки, возвращаясь, домой уже затемно. (...)”

Младшая сестра Михаила Великая княгиня Ольга много времени проводила с Михаилом (...). Михаил был на четыре года старше Ольги, но выглядели они одинаково, их вкусы во многом сходились, и они никогда не ссорились (...).

В детстве детей никак не выделяли, не делали дорогих подарков. Большую часть времени они проводили в Гатчине, в окрестностях С.-Петербурга. Няня (англичанка) воспитывала их в чисто английской манере. Одним из самых любимых событий для всех детей Александра III, и особенно для Михаила, были ежегодные посещения их дедушки датского короля Христиана IX. В Копенгагене они могли

свободно гулять, ходить в магазины, что было немыслимо в С.-Петербурге, при плотном кольце охраны. (...)

Молодым человеком был весьма приятной наружности. С небольшими усами, он был всегда гладко выбрит. Ростом он был выше своих братьев».

Оценка великого князя Михаила Александровича как личности в отзывах его современников неоднозначна. Многие отмечали его воспитанность, доступность и сходились на том, что по своей природе это был чрезвычайно скромный и застенчивый человек, тяготившийся собственным высоким положением. Что, впрочем, не помешало ему стать блестящим офицером, отличным наездником и спортсменом. Он мечтал управлять аэропланом, слыл театралом и заядлым автолюбителем.

Полковник А. А. Мордвинов, многие годы состоявший адъютантом при великом князе Михаиле Александровиче, в своих воспоминаниях писал:

“Многим Михаил Александрович казался безвольным, легко попадающим под чужое влияние. По натуре он действительно был очень мягок, хотя и вспыльчив, но умел сдерживаться и быстро остывать. Как большинство, он был также равнодушен к ласке и излияниям, которые ему всегда казались искренними. Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своем мнении, которое у него всегда все же было, и из этого же чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражавшую”.

Несмотря на покладистый характер, Михаил Александрович был способен на поступок и самопожертвование, что неоднократно

доказывал в своей жизни. Он исправно нес службу, повышал свою военную подготовку и успешно продвигался по ступеням гвардейской офицерской карьеры. Обо всех значительных событиях в жизни Михаил Александрович делал записи в своем дневнике на протяжении многих лет.

Послужной список Михаила Александровича был внушителен. Кроме обычных государственных учреждений, куда он входил по своему положению, Великий князь являлся шефом нескольких военных частей гвардии и флота, как российских, так и иностранных, состоял почетным председателем и покровителем бесчисленных благотворительных, научных и просветительных обществ и т. д.

Среди Великих князей дома Романовых Михаил Александрович, по свидетельству А.А. Мордвинова, был самым богатым, но и самым непритязательным: “Деньгам для себя лично он не придавал никакого значения, совсем плохо разбирался в относительной стоимости различных вещей и оставался совершенно безучастным ко всем докладам, говорившим об увеличении его материальных средств”.

Согласно закону, он впервые стал наследником престола в 1898 году после смерти от туберкулеза среднего сына Александра III, Георгия Александровича, от которого наследовал и значительную долю имущества, в том числе обширное имение Брасово. После рождения цесаревича Алексея Михаил Романов носил звание “правителя государства”.

Среди других Великих князей Михаил Александрович особенно ничем не выделялся. Пожалуй, всеобщее внимание он привлек к себе лишь тайным вступлением против воли Николая II в морганатический брак с дважды разведенной дочерью московского

адвоката Наталией Сергеевной Шереметьевской. Графиня Л. Воронцова-Дашкова писала:

“Браку Великого князя предшествовал длительный роман... В 1908 году он командовал эскадром кирасирского Ее Величества полка, шефом которого состояла мать Великого князя, вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из полковых праздников Великому князю

в числе других жен офицеров была представлена Наталия Сергеевна Вульферт.

Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло в длительный роман, закончившийся браком и отречением Великого князя от всех присущих ему по положению прав.

Наталия Сергеевна Вульферт была женщиной красивой и образованной, происходила она из очень интеллигентной семьи. Ее отец, С. Шереметьевский, был известным адвокатом. Первым браком

Наталия Сергеевна вышла за музыканта С. Мамонтова, вторым—за кирасирского офицера В. Вульферта.

Брака великого князя и Н. С. Вульферт не желали ни Император Николай II, ни мать, вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Когда Николай II узнал о намерении Великого князя все-таки жениться на Н. С. Вульферт, он вызвал его во дворец и отдал краткий приказ: -В Черниговские гусары!

Великий князь назначался командиром Черниговского гусарского полка, стоявшего в Орле, куда он должен был немедленно отправиться.

Гатчина, кирасиры, Н. С. Вульферт—все было покинуто. Но, мягкий по своему характеру, Великий князь в данном случае проявил

непреклонную волю, решив жениться на любимой женщине, несмотря даже на противодействие Императора.

Великий князь уехал в Орел. Но роман продолжался. По настоянию Великого князя ротмистр В. Вульферт согласился на развод с женой”.

Это дошло до Царской семьи. “Михаил и Наталия решили, что будет лучше, если она на время уедет из России, пока не уляжется скандал, связанный с ее разводом,-писал в своей книге Д. Чавчавадзе.— (...) Наталия уехала в Европу. Это произошло в июне 1909 г. (...) В

то время международной телефонной связи еще не существовало, поэтому Наталия и Михаил пользовались телеграфом. Только она одна послала 377 телеграмм. Некоторые из них сохранились и являются собственностью внучки падчерицы Великого князя Михаила — Паулины Грэй. (...)”

Михаил тоже тяжело переживал разлуку. Он писал Наталии:

“Копенгаген. 13 августа 1909 года.

Моя дорогая, красивая Наташа, у меня нет слов, которыми я мог выразить свою благодарность за все, что ты дала мне в моей жизни. (...) Не печалься, с Божьей помощью мы скоро опять встретимся. Пожалуйста, верь всегда моим словам и моей нежной любви к тебе, к моей самой дорогой и блестящей звезде, которую я никогда, никогда не оставлю и не покину. Я обнимаю и целую всю тебя... Пожалуйста, верь, что я весь твой. Миша”.

Следует заметить, что летом 1910 года в жизни Михаила Александровича произошло значительное событие. Наталия Сергеевна после развода с ротмистром Вульфертом родила Великому

князю сына Георгия. 13 ноября 1910 года Император Николай II подписал Указ Правительствующему Сенату, который не подлежал обнародованию; в нем предписывалось: «Сына состоявшей в разводе Наталии Сергеевны Вульферт, Георгия, родившегося 24 июля 1910 года, Всемилостивейше возводим в потомственное дворянское Российской Империи достоинство, с предоставлением ему фамилии Брасов и отчества Михайлович».

Однако такое двойственное состояние и долг чести не давали покоя Михаилу Александровичу, и он решил действовать против воли Царя. Осуществить свое намерение по заключению церковного брака с Наталией Сергеевной Великий князь мог только за границей. Тем более, что такие примеры уже были в многочисленной Императорской фамилии. И в 1912 году Михаил Александрович и Наталия Сергеевна покинули Россию, уехав за границу, в Вену, где Великий князь в строгой тайне предполагал совершить обряд венчания.

Николай II, узнав о намерении брата, предпринял ряд шагов, чтобы помешать этому. За Михаилом Романовым был учрежден строжайший надзор. Чтобы не допустить заключения морганатического брака госпожи Вульферт с Великим князем Михаилом Александровичем, за границу был специально командирован генерал-майор корпуса жандармов А. В. Герасимов. При этом всем российским посольствам, миссиям и консульствам предписывалось оказывать ему всяческое содействие вплоть до “ареста лиц” по его указанию.

Однако Михаил Александрович проявил незаурядные способности конспиратора, оставив своим попечителям возможность наполнить надзорное досье лишь обвинительными документами о провале порученного им дела. Великий князь действовал с крайней осторожностью. В Вене он нашел сербского православного

священника, чтобы заключенный брак не подлежал расторжению Святейшим синодом. Несомненно, это был брак по любви, в противном случае Михаил Романов не пошел бы против воли Царя и на нарушение законов, сознательно лишая себя права на Российский престол.

Гнев Его Величества вылился в запрещение “своевольному брату” въезда в Россию. Шифрованная жандармская телеграмма свидетельствовала: “Граф Брасов (великий князь Михаил Александрович.—Прим. авт.) очень удручен и никуда не выходит”. 15 декабря 1912 года царь подписал указ Правительствующему Сенату о передаче в опеку имущества Михаила Романова, а 30 декабря с него было снято звание “правителя государства”. Великий князь был вынужден жить за

границей как частное лицо. Из Австрии в 1913 году он вместе с женой и сыном Георгием переехал в Англию и поселился в замке Небворт, недалеко от Лондона.

В конечном итоге, благодаря вмешательству матери отношение Николая II к поступку брата смягчилось. В 1914 году после начала Первой мировой войны Великокняжеская чета вернулась в Петербург, опека с имущества была снята. Вскоре Царем Наталии Сергеевны был пожалован титул графини Брасовой.

НА ПЕРЕЛОМНОМ РУБЕЖЕ ИСТОРИИ РОССИИ

В годы Первой мировой войны Михаил Романов в звании генерал-майора был на фронте, получил Георгиевский крест, командуя так называемой “дикой дивизией”, позднее—2-м кавалерийским корпусом. Он не участвовал в интригах Царского двора, но многие опасались влияния его властной и энергичной супруги. В частности, об этом свидетельствуют дневниковые записи

обер-гофмейстери-ны княгини Е. А. Нарышкиной. 21 февраля 1917 года она написала:

“Грустные мысли: Императрицу ненавидят. Думаю, что опасность придет с той стороны, с которой не ожидают: от Михаила. Его жена очень интеллигентна (...). В театре ее ложа полна Великих князей, сговорятся вместе с Марией Павловной. Добьется быть принятой Императрицей-матерью и Императором. Чувствую, что они составляют заговор. Бедный Миша будет в него вовлечен, вопреки себе, будет сперва регентом, потом Императором. Достигнут всего”.

Февральская революция застала Михаила Романова в Гатчине. Документы свидетельствуют, что он делал все возможное, чтобы избежать кровопролития, спасти Монархию, но отнюдь не для того, чтобы занять престол.

27 февраля 1917 года по настоятельной просьбе председателя Государственной Думы М. В. Родзянко Михаил Александрович связался по прямому проводу со Ставкой, где находился Царь, прося его уступить “оппозиции” и создать “правительство доверия”. Ответив через начальника штаба генерала Алексеева, Николай II отказался последовать его совету.

Безуспешно попытавшись вернуться в Гатчину, Михаил Романов вынужден был укрыться на квартире князя П. П. Путятина (Миллионная, 12), поддерживая тесную связь с М. В. Родзянко. Именно сюда 1 марта явился присяжный поверенный Н. Н. Иванов с просьбой подписать так называемый “Манифест великих князей”. Документ этот, появившийся в окружении Великого князя Павла Александровича, был очередной попыткой спасти трон, уступив требованиям Государственной Думы. От имени Николая II предполагалось провозгласить следующее: “Поручаем председателю

Государственной Думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской Империи". Рядом с подписями великих князей Павла Александровича (дядя Царя) и Кирилла Владимировича (двоюродный брат Царя) поставил свою и Михаил Александрович. Однако манифест запоздал. Революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 года, М. В. Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея, при регентстве Михаила Романова.

Поползший слух о том, что Михаил добивается престола, переполошил остальных членов Императорской фамилии. Великий князь Павел Александрович незамедлительно обратился за разъяснениями к третьему участнику манифеста. В письме к Кириллу Владимировичу он писал, что ему “ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом” и что все это, вероятно, интриги Н. С. Брасовой. Очевидно, Михаил Александрович, зная мнение своих родственников, нашел возможность успокоить их. Во всяком случае, Кирилл Владимирович, бывший в курсе событий и знавший, где находится Михаил, в ответном письме Павлу Александровичу ответил, что “Миша работает ясно и единомышленно с нашим семейством”.

Создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. По крайней мере, нет документальных подтверждений, что Михаил Александрович дал свое согласие на регентство.

Известие об отречении Николая II от престола за себя и за несовершеннолетнего наследника сына Алексея в пользу брата

Михаила явилось для всех полной неожиданностью. К тому же это было нарушением закона о престолонаследии. С дороги в Могилев Николай II посылает телеграмму брату, которая, однако, так до него и не дошла: “Петроград, Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники”.

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина открылось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым Императорских обязанностей или не объявлять. Многие советовали Михаилу Александровичу власть на себя не брать. Например, А. Ф. Керенский заявил: “Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества”. Наоборот, в противовес большинству П. Н. Милюков и А. И. Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взойти на трон. Однако Михаил Романов после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего отречения от престола до решения Учредительного собрания.

Акты об отречении Николая II и Михаила Романова были обнародованы одновременно, 5 марта 1917 года, в “Вестнике Временного правительства”. Принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, может ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит оппозицию. Решение о выборе формы правления страной откладывалось до Учредительного собрания. По сути дела, в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики. Михаил Александрович считал, что выполнил свой долг так, как он его понимал.

Уже на второй день после отречения Царя Петроградский

Совет рабочих и солдатских депутатов, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать Царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: “По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии”.

Если Петросовет опасался угрозы восстановления прежних порядков, то представители дома Романовых беспокоились, и не напрасно, за безопасность своих близких. 5 марта 1917 года на заседании Временного правительства рассматривалось письмо великого князя Михаила Александровича о принятии мер к охране членов Императорской фамилии. В вынесенном по этому поводу решении правительства было записано: “Поручить военному министру установить, по соглашению с министром внутренних дел, охрану лиц Императорского дома”.

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно возле Гатчины, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отъезда Николая II и его семьи в Тобольск Михаил Александрович получил разрешение проститься с братом.

Граф П. К. Бенкендорф, находившийся в это время при Царской семье, рассказывал о встрече двух братьев:

“(...) Министр устроил это свидание, чтобы братья могли проститься. Я передал об этом Царю, который был тронут и удивлен. Когда Великий князь приехал, то Керенский вместе с ним и ординарцем первым вошел в кабинет Его Величества. Он сел за стол и рассматривал альбомы. Офицер оставался у двери. Свидание длилось 10 минут.

Братья были так взволнованы тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов. Великий князь, весь в слезах, сказал мне, что не рассмотрел даже как следует лица Царя”.

Сам император Николай II был также растроган этим свиданием, о чем свидетельствует запись в его дневнике:

“Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 1072 [ч.] милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно”.

Бурные события не обходили Михаила Романова стороной. Так случилось и в дни корниловского мятежа. Роковую роль в судьбе ряда Великих князей сыграли попытки монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем II.

Дело фрейлины Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, но якобы свидетельствующее о контрреволюционном заговоре, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте Великого князя Михаила Александровича и его супруги графини Н. С. Брасовой, а также великого князя Павла Александровича, его жены княгини О. В. Палей и их сына князя Владимира Палея. В газетах подробно описывались, аресты, произведенные 21 августа 1917 года:

“В седьмом часу вечера из Петрограда был отправлен в Гатчину и Царское Село наряд воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр, председатель А. Ф. Керенский в сопровождении помощника главнокомандующего войсками

Петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место А. Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А. Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению, как к самому

великому Князю, так и к его супруге, домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных соображений, но вместе с тем указал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства. (...)

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других Великих князей (...)"

Однако, как выяснилось позднее, предположение о монархическом заговоре оказалось несостоятельным. Дело было прекращено.

После Октябрьского переворота Петроградский ВРК 13 ноября 1917 года рассмотрел вопрос об аресте и переводе Михаила Александровича из Петрограда в Гатчину или Финляндию. В протоколе было записано:

“Комиссар Гатчины Рошаль удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках. Постановили: Военно-революционный комитет возражений против перевода его под домашний арест в Гатчину [не имеет] ”.

Известно, что в ноябре 1917 года Михаил Александрович добровольно еще раз явился в Смольный и обратился к управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской России, чтобы заранее исключить возможные недоразумения. Бонч-Бруевич на официальном бланке оформил разрешение о “свободном проживании” Михаила Романова как рядового гражданина республики.

В конце 1917 года состоялась беседа В. И. Ленина с зам. наркома Госконтроля Э. Э. Эссенем, который сообщил о просьбе, поданной в Совнарком бывшим Великим князем Михаилом Романовым о перемене его фамилии на фамилию его жены – Брасов, чтобы

перейти на положение гражданина Российской Советской Республики. Ленин ответил, что этим он заниматься не будет.

ПОХИЩЕНИЕ И УБИЙСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА

В феврале 1918 года, в связи с германским наступлением на Петроград, бунтарскими настроениями масс и другими событиями, общая ситуация в стране резко ухудшилась. Нахождение Михаила Романова и других Великих князей вблизи границы представлялось опасным. Это послужило поводом для рассмотрения вопроса о судьбе Михаила Александровича на заседании Совнаркома 9 марта 1918 года.

В протоколе Совнаркома записано: "Слушали: О высылке [великого] князя М. А. Романова и других лиц в Пермскую губ [ернию)]. (Докладчик-Урицкий.) Постановили: Принять проект постановления с внесенными поправками. Высылку М. А. Романова поручить т. Урицкому".

На этом же заседании Совнаркома было принято решение, подписанное В. И. Лениным: "Бывшего Великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона (...) выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожителство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим Великим князем Михаилом Романовым".

Управляющий и личный секретарь Великого князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: "Я не оставлю Великого князя в такой тяжелый момент".

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и потому взял с собой деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль "роллс-ройс". За своим господином в Пермь добровольно последовали камердинер В. Ф. Челышев и шофер П. Я. Борунов. На все просьбы графини Н. С. Брасовой, желавшей разделить участь мужа, Великий князь отвечал ей отказом и, наконец, уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

В Перми ссылных встретили негостеприимно, о чем можно судить по телеграмме Михаила Романова, направленной Бонч-Бруевичу и Урицкому: "Сегодня двадцатого [марта] объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех [в] одиночное заключение [в] пермскую тюремную больницу, вопреки заверению Урицкого о жительстве [в] Перми [на] свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет [Народных Комиссаров] не разлучать [нас] ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть, не имея никаких директив центральной [власти], затрудняется, как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов".

Две телеграммы в адрес Пермского Совета депутатов из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого указывали: "В силу постановления, Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти".

Пермский Совет принял указание к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии и исполком не берет на себя ответственность за последствия.

На некоторое время Великий князь поселился в номерах гостиницы при бывшем Благородном собрании. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях В. Ф. Сивков, член Президиума Пермского губисполкома:

"Осталась в памяти встреча с Михаилом Романовым, который жил в номере напротив моего, до того, как его перевели в бывшие Королевские номера. Произошло это утром. Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникло представление о гвардейце.

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой. Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отказался от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендатуре. За ним установлено наблюдение".

Когда Пермский губисполком связался с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за "целость" Романова, то, по предложению Петрограда, надзор был поручен местной ЧК. Об этом событии Михаил Александрович 8/21 мая 1918 года сделал о следующую запись в своем дневнике: "В II час. Дж[онсон], Василий [Челышев] и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне

предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой (...)"

Сохранились воспоминания некоего господина Крумниса, написанные им в эмиграции (он проживал в Королевских номерах в то время, когда там же находился Великий князь):

"Сначала я опасался останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание Великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что Великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу (...). Я жил во втором этаже Королевских номеров, Великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел Великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста Великого князя и низкого г. Джонсона. (...) Великий князь часто заходил в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Доб[рина] спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это Великий князь ответил: "Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат". При этом он всегда улыбался".

Живя "на свободе", Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим-поступком он опасался усложнить положение своих родственников.

Поводов для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

Находясь под надзором, Великий князь был связан с друзьями и некоторыми родственниками перепиской, существовала и непосредственная живая связь между Пермью и Петроградом. В начале мая в Пермь приезжала его жена. Этому событию посвящены многие строки в дневнике:

"Пермь, 25 [апреля]/8 мая. Среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3/4 часа Наташа, Джо [нсон] и я на извозчиках поехали к Тупициным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними. Наташа поехала, а Дж[онсон] и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная (...).

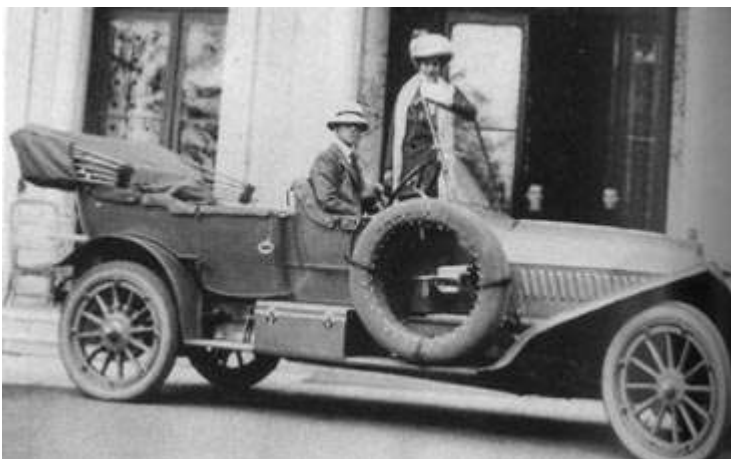

Пермь, 26 [апреля]/9 мая. Четверг. Утром читали, днем прошли по Торговой, Монастырской, а обратно - вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские и остались до 11 1/2. Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 27 [апреля]/10 мая. Пятница. Около 1172 Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем австрийцем - мы угостили их кофе. В 5 1/3 Наташа, Дж [онсон] и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. (..)"

Жизнь Михаила Романова шла своим чередом, но Брасова не хотела мириться с высылкой мужа. Поняв, что его судьбу могут решить только высшие советские власти, она решила ехать в Москву. По сведениям представителя английской миссии Р. Вильтона, графиня Брасова встречалась с председателем Совнаркома В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда из России, но безрезультатно.

В стране разгоралась гражданская война. С захватом белочехами 26 мая Челябинска и 7 июня Омска движение поездов на Сибирь прекратилось, и в Перми скопилось около 10 тысяч пассажиров, пытавшихся проехать на восток. Среди них было много военных, в том числе сочувствующих белому движению. Властям повсюду мерещились контрреволюционные заговоры и перевороты. Трагикомическое дело В. Кулеш, молодой психически неуравновешенной особы, выдававшей себя за княжну Голицину и обвиняемой ЧК в тайном сговоре с Михаилом Романовым с целью его побега, ярко рисует атмосферу той эпохи - как на бытовом, так и на государственном уровне.

Последняя запись в дневнике Михаила Романова была сделана 11 июня, т. е. за день до трагической развязки, и ничего особенного не предвещала: "Сегодня были боли послабее и менее продолжительные (в этот период у Великого Князя

началось обострение давней болезни.- Прим. авт.). Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашел около 872. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13 ¹/₂°, вечером тоже. Около 10

зашел мой крестник правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград".

Следует заметить, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник, и отсутствие последней записи 12 июня 1918 года наводит на определенные размышления. Возможно, он просто не успел заполнить дневник, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чем имеются несколько свидетельств очевидцев.

15 июня 1918 года газеты опубликовали сообщение "Похищение Михаила Романова":

"В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в

Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Проводятся энергичные розыски".

В этих же номерах газет давалась информация о ложности слухов о расстреле Николая II, что невольно наводило читателя на мысль о возможности побега и бывшего Царя.

До появления газетных сообщений события развивались следующим образом. 13 июня 1918 года Пермской ЧК была послана тревожная телеграмма одновременно в несколько адресов:

"Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву. Копия: Екатеринбург. Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский округ. Чрезком".

Трудно сказать, насколько эти события оказались неожиданными для советских органов, но председатель Уральского облсовета Белобородов срочно направил телеграфный запрос в Пермскую ЧК: "Немедленно телеграфно сообщите: когда был привезен [в] Пермь Михаил, кому сдан, каковы были указания [о] режиме, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп [по] усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, [а] также показания?"

Так называемый "побег" Михаила Романова был использован властями для ужесточения режима содержания царской семьи в Екатеринбурге и Великих

князей в Алапаевске и Вологде. Одновременно Пермская ЧК начала фиктивное следствие по делу исчезновения Великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона. Были арестованы все, находившиеся в близких отношениях с ними. Но следствие не завершилось, а арестованные в большинстве своем были расстреляны.

Описания обстоятельств ареста Михаила Романова и его секретаря в основном совпадают по показаниям очевидцев; они соответствуют цитируемой выше газетной официальной публикации. Позднее белогвардейский следователь Н. А. Соколов частично опубликовал их в книге "Убийство царской семьи" (Берлин, 1925). При допросе у него А.А. Волков камердинер Государыни, показал, что он сидел в одной тюрьме с В. Ф. Челышевым, камердинером Великого князя, и тот рассказывал ему, как он попал в тюрьму:

"Ночью, часов в 12, пришли в Королевские номера какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: "Я не пойду никуда. Вы позовите вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас не знаю". Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: "А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!" После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. (...) Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен), Челышев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. (...) На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян".

А вот что можно прочесть в одной из автобиографий старого большевика П. И. Малкова, датированной 13 октября 1954 года:

"В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации губернской Чрезвычайной Комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищами Марковым А. В. и Трофимовым А. В. был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела".

Однако наиболее полно операцию по уничтожению претендента на Российский престол раскрывают воспоминания А. В. Маркова, непосредственного исполнителя ареста Михаила Романова и его расстрела:

"Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. (...) И вот все это, взятое вместе, и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его (...).

Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И. Об этом он сказал в управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми (...). Но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить, по рекомендации тов. Иванченко, тов. Жужгова Николая, а по моей - тов. Колпащикова Ивана (...).

В Перми лошадей поставили во дворе губчека, посвятили в это дело председателя губчека тов. Малкова и помощника Иванченко тов. Дрокина В. А. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около II часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую

машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал (...)"

Нигде, однако, не упоминается один из участников ареста левый эсер А. И. Плешков-начальник милиции Мотовилихи. Между тем, в следственных материалах Н. А. Соколова имеются показания А. С. Ребухина: "Я стал расспрашивать Плешкова: "Как было дело? Расскажи",-говоря. Он мне начал рассказывать, что ночью они приехали в номера, где помещался Великий князь, забрали его и увезли на Сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему

выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время Великий князь взял его за шиворот и повалил под себя,- "и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился" (...).

Воспоминания А. В. Маркова дают такую интерпретацию событий: "Проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100-120, Жужгов

кричит: "Приехали вылезай!" Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок (Джонсон.-Прим. авт.) то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона - я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у

тов. Жужгова застрел барабан нагана (...). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же (...)"

Мотивы замалчивания участия в событиях эсера Плешкова вполне понятны, так как воспоминания Маркова написаны в 1924 году и бывшие соратники по революционной борьбе уже были преданы забвению. Явно принижалась и роль Г. И. Мясникова, который проведение этой акции в свое время ставил себе в актив. В ответе на письмо В. И. Ленина в 1921 году (по поводу рабочей оппозиции), указывая на преследование инакомыслия, Мясников отмечал: "Был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где же я был бы? В чека или, более того, меня бы "бежали", как я некогда "бежал" Михаила Романова..."

Устранение претендента на Российский престол, а по сути дела, уголовное убийство, дало обратный эффект. Появились многочисленные газетные сообщения, подобные следующему: "Распространились слухи, что Великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России".

Очевидно, чтобы сбить эту волну, готовилось к печати фальсифицированное объявление о задержании Михаила Романова. Но в самый последний момент по какой-то причине оно было снято с газетных полос, где вместо него остались зиять черные (заштампованные) или белые (снятый набор гранок) квадраты. Под заштамповкой в пермских газетах от 18 сентября 1918 года в лабораторных условиях читается следующий текст:

"Задержание Михаила Романова.

После побега бывшего Великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила

Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на двух проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой "буланже", особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы), им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим (...).

После снятия грима нами были опознаны в них бывший Великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы".

Несмотря на то, что фальшивку не решились запустить в ход, все же утечка дезинформации произошла. Так, сохранилась телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 года по прямому проводу из Москвы в Киев (бывший в то время центром монархического движения). Текст телеграммы лаконичен: "Пермь, 18 сентября. В 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержанны Михаил Романов и его секретарь. Они препровождены в Пермь".

Перед нами звенья одной цепи - сложной, далеко идущей операции по уничтожению династии Романовых, включая широкую дезинформацию общественности. Несомненно, одно: расправа над Михаилом Романовым была лишь генеральной репетицией драмы,

главные акты которой были разыграны вскоре в Екатеринбурге, Алапаевске, Ташкенте и Петрограде.

Супруга Михаила Романова графиня Н. С. Брасова на тридцать четыре года переживет мужа. Она похоронила сына, Георгия Михайловича, погибшего в автокатастрофе в 1930 году, испытала немало горя и лишений. Лишь картины художника С. А. Жуковского, написанные в 1916 году по заказу графини, - «Комната в имении Брасово» и «Малая гостиная», напоминают нам о былом величии княжеской семьи.

В.М.Хрусталеv, Л.А.Лыкова:

*Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы.
Пермь. Изд-во "Пушка" 1996.*

Фотографии:

из Музея М.Романова в Перьми; <http://pics.livejournal.com/polikliet/pic/>
Дополнительные сведения: Музей М.А. Романова г. Перми по адресу:
<http://diaghilev.perm.ru/romanov/romanov/rus/>